

В. А. Плунгян, Е. В. Рахилина

ИРЯ РАН — МГУ, НИУ ВШЭ — ИРЯ РАН, Москва

ГРАММАТИКА ПОРЯДКА¹

1. Введение

Вопрос о лексических источниках грамматических значений — один из самых обсуждавшихся в теории грамматики (в особенности, естественно, в рамках теории грамматикализации). Считается, что некоторые группы именной и глагольной лексики наиболее часто становятся такими источниками, имея своего рода «предрасположенность» к грамматикализации [Heine, Kuteva 2002, 2007; Hopper, Traugott 2003]. Как правило, в их числе называют части тела [Matsumoto 1999; Svorou 1993; Suutari 2006], глаголы движения и позиции [Майсак 2005], ментальные предикаты [Heine 1993; Frajzyngier 1996]. В этой статье мы хотели бы обратить внимание на нетривиальные модели грамматикализации еще одного лексического значения, не попавшего не только ни в один из названных выше классов, но, как кажется, и вообще в поле зрения грамматистов и лексикологов. Речь пойдет о словах со значением ‘ряд’ (и прежде всего, непосредственно о русском слове *ряд*), которые обладают уникальными семантическими свойствами, и, вследствие этого, уникальным языковым поведением; в этом отношении они действительно недооценены. В частности, в самом известном списке лексических источников грамматических значений — словаре [Heine, Kuteva 2002] — такое значение отсутствует вовсе.

Между тем, если ограничиться даже одним русским *ряд*, богатство и разнообразие его грамматических и квазиграмматических²

¹ Работа выполнена в рамках проекта «Семантико-синтаксический компонент интегрированного корпусного описания русской грамматики», поддержанного РГНФ (14-04-00264). В данной работе также использованы результаты проекта «Корпусные технологии в лингвистических и междисциплинарных исследованиях», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2014 году.

² «Квазиграмматическими» принято (вслед за И. А. Мельчуком) называть единицы, близкие к грамматическим по многим своим характеристикам, но не полностью соответствующие эталону грамматичности

производных не может не удивлять. Среди них есть и пространственные (как *рядом*), и количественные (как *изрядно* или [*целый ряд*]), и видовременные (как *подряд*), и дискурсивные (как *наряду с*), и модальные (как *вряд ли*). Каждая группа заслуживает внимания, но мы сосредоточимся в основном на группе видовременных значений, которые всегда вызывали особый интерес Виктора Самуиловича, как сами по себе [Храковский (ред.) 1989, 2009], так и в отношении типологической специфики русского материала [Храковский 2001, 2002]. Но первый вопрос, который мы хотели обсудить — конечно, о том, как и почему такое разнообразие вообще возможно.

Лексема *ряд* обозначает особую вытянутую конфигурацию, которую образует множество объектов, расположенных последовательно (ср. толкование в МАС: «совокупность предметов, лиц, расположенных один к одному, друг за другом, в одну линию»³).

В этом определении, как и в самом внеязыковом объекте, который оно описывает, заложены разнородные составляющие. В первую очередь, это количественный компонент значения, а именно, идея достаточно большого количества, порождаемая представлением о множестве объектов. Далее следует пространственный компонент значения: он возникает потому, что *ряд* описывает организацию взаимного расположения элементов внутри множества. В соответствии с ней, каждый элемент множества находится в непосредственной близости от своих соседей, а все вместе они выстроены в определенную конфигурацию. Наблюдатель не всегда может зрительно охватить эту конфигурацию целиком, получив, так сказать, «вид сверху»: часто он видит упорядоченные таким образом объекты сбоку, перемещая взгляд и минуя их по одному. В этом случае проявляется и временная составляющая семантики ряда: с точки зрения стороннего наблюдателя, находящегося вне множества, пространственное «друг за другом» превращается во временное «один за другим».

(главным образом, это несоответствие проявляется в том, что квазиграмматические показатели могут не входить в эквивалентные оппозиции и, тем самым, не обладать явно выраженной обязательностью). Подробнее об этом классе единиц см. [Мельчук 1997: 286–288; Перцов 2001; Плунгян 2011: 66–70].

³ [МАС 1999: 748–749].

Это «превращение» является простейшим случаем метонимии, возникающей за счет смежности пространства и времени в условиях движения наблюдателя: движение связано с преодолением пространства, т. е. с изменением пространственных координат движущегося субъекта. Одновременно движение в пространстве требует затрат времени, т. е. изменения временных координат субъекта. Таким образом, оно представляет собой чистый случай так называемой «смежности» ситуаций, которая, как известно, является первым признаком метонимического переноса [Peirsmann, Geeraerts 2006; Panther, Thornburg 2007]. Этот вид метонимии настолько широко распространен, что его обычно принимают за метафору, причем относящуюся к первичным (*primary*), или базовым и подходящим под формулу Дж. Лакова и М. Джонсона, TIME IS SPACE [Lakoff, Johnson 2003].

Похожих примеров очень много.

Действительно, именно как метонимию, а не метафору, стоит описывать многозначность многих прилагательных, способных выступать и в пространственных, и во временных контекстах, ср. *короткий путь* vs. *короткий день* (или *короткие перебежки*, *короткое забытье*, *короткий ответ*); ср. также *редкие станции* как 'удаленные в пространстве' и/или 'редко встречающиеся'. Тот же эффект возникает и в целом ряде предложных конструкций и (менее грамматикализованных) именных, допускающих как пространственные, так и временные именные группы: *до калитки* ~ *до пятницы*, *через гору* ~ *через неделю*; *конец/середина поля* ~ *конец/середина июля*. Ср. также сочетания *на каждом углу/шагу*, совмещающие значения 'всегда, все время' и 'везде', часто в одном и том же употреблении (ср. пример из НКРЯ: *В селении едва ли не на каждом шагу встречались знакомые лица* [2003]). Все эти примеры описывают только динамические ситуации, в которых есть субъект движения — или статические, но такие, в которых участвует наблюдатель, как бы переводящий свой взгляд из одной точки в другую, имитируя тем самым обычное перемещение в пространстве (ср. восходящий к Р. Лангакеру и Л. Талми термин «абстрактное движение», который обычно в таких случаях используется; подробнее см. [Рахилина 2010: 374]). В не связанных с движением контекстах метонимия типа ПРОСТРАНСТВО → ВРЕМЯ не возникает.

Подтверждением этому служит и поведение интересующего нас слова *ряд*: свою «врожденную» способность к метонимическому переносу эта лексема реализует вовсе не во всех производных наречиях. Так, апеллирующие к статическим локализациям *рядом с* и *в ряду* остаются исключительно пространственными. Зато *наряду (с)* развивает дискурсивное значение функционального равноправия, в некоторых контекстах близкое к одновременности, ср.: <...> *наряду с дурацкими пропагандистскими фильмами время от времени выходили и альтернативные картины* (НКРЯ, 2002).

Интересно, что во многих случаях оказывается почти невозможно установить направление описанного нами перехода, ср. прежде всего примеры с прилагательным *редкий*, в синхронном описании которого временное значение не в меньшей степени, чем пространственное, может претендовать на то, чтобы считаться исходным. То же верно и для пространственно-временной конструкции *на каждом шагу*: на первый взгляд, она устроена так, как если бы пространственное значение было бы для нее вторичным и развивалось из временного (ее описание на фоне других похожих конструкций дается в [Летучий, Рахилина 2011]). Такие примеры — еще один, дополнительный, аргумент в пользу того, чтобы признать семантический сдвиг, о котором мы говорим, метонимией, а не метафорой: ведь с теоретической точки зрения, метафора SPACE IS TIME как трансформация абстрактной категории времени в конкретную (пространство) трудно представима. Между тем, для метонимии направление сдвига при переносе значения совершенно не важно: теоретики согласны, что в отличие от метафоры, метонимические отношения могут быть двунаправлены [Panther, Thornburg 2007; Barcelona 2011].

Между тем, кажется, что других семантических переходов типа ПРОСТРАНСТВО → ВРЕМЯ, не похожих на динамические ситуации, совмещающие время и пространство, в общем-то, нет (если не считать обычно выделяемую в особый класс метафору контейнера, ср. *в 1911 году, на этой неделе, полный рабочий день* и т. п.; о русском материале см. подробнее [Neset 2004]) — а значит, по видимому, нет и самой метафоры этого типа.

Таким образом, источником разнообразия производных значений, связанных с лексемой *ряд*, служит вполне стандартная метонимия.

2. Ряд в ряду других

Теперь вернемся к русскому *ряд* и обратим внимание на другие его особенности. Словари свидетельствуют, что и в древне-, и в среднерусском это слово было очень многозначно: так, [Словарь 1997: 281–284] выделяет 20 значений. С некоторой долей условности их можно разделить на три большие группы. Первая и, видимо, главная — это группа пространственных значений — заметим, очень частных и конкретных: ‘ряд, шеренга’ (XIV–XVII вв.)⁴; ‘строй, хоровод’ (XI в.); ‘столбец, страница’ (XII–XVI вв.); ‘ярус, уровень’ (XII–XVII в.); ‘торговый ряд’ (XII–XVII вв.), ‘торгово-ремесленное поселение’ (XVI в.). Вторую большую группу можно назвать «юридической»: ‘правило, устав, распорядок’ (XI–XVII вв.); ‘договор, условие, соглашение’ (XII–XVII вв.); ‘завещательное распоряжение’ (XII–XVI вв.); ‘хозяйственное поручение’ (XII в.); ‘должность, чин’ (XIII в.); ‘удел, наследство’ (XV в.). Обе эти группы значений достаточно предметны и далеки от грамматических, зато они охватывают очень широкий круг употреблений, и видно, что слово *ряд* было в силу этого фактора частотным — причем на протяжении всего периода XI–XVII вв. Наконец, третий класс употреблений — это временные: ‘очередь, порядок, очередность’ (XI–XVII вв.) и ‘каждый случай повторения’, ‘раз’ (XIV–XVII вв.).

Сама по себе частотность употребления лексемы обычно является довольно мощным фактором, который способствует ее грамматикализации в каких-то прагматически выделенных контекстах (в особенности, если эти значения близки к грамматической зоне, как у лексемы *ряд*) — в таком контексте старое предметное значение слова, как говорят в работах по грамматикализации, «выветривается» и становится более абстрактным. Поэтому уже в XI в. засвидетельствовано *безъ ряду* с дискурсивным смыслом ‘невыпадение, неслучайно’ и известное также в старославянском *поряду* ‘последовательно; следовательно; подряд, непрерывно, и др.’, а в XVI–XVII вв. — временные *въ ряду*, *съ (одного) ряду* и *сряду* ‘подряд’, *въ рядь* ‘вместе’.

Заметим, что эти конструкции к настоящему времени практически все утрачены (или маргинальны в литературном языке, как

⁴ В скобках указывается датировка примеров, имеющих на это значение в [Словарь 1997].

сряду), но тенденция, которую мы видим на этих примерах, сохранилась и привела к тому, что значение лексемы *ряд* резко сузилось — в том смысле, что эта лексема лишилась подавляющего большинства своих исходных предметных значений (приобретя взамен за все это время только одно-два новых: ‘кресла в одну линию в театре, кино и др.’ и *ряд* <*петель*> в вязании). Но одновременно с сужением значения слово *ряд* расширило зону своего собственного применения — за счет общих, абстрактных и квазиграмматических употреблений со значением большого количества: *ряд лиц, целый ряд, <пополнили> ряды безработных, смятение в рядах недавних победителей*. Сверх того, корень *ряд* успел, как мы уже говорили, закрепиться в довольно большом числе конструкций, и в их контексте грамматикализироваться уже не в количественном, а в пространственном, временном, дискурсивном или модальном значении.

Похожая история случилась и со словообразовательными дериватами этой лексемы. В историческом словаре зафиксировано четыре деривата: *вряд, порядку, рядом, сряду* — все они, за исключением *рядом*, исчезли (как *поряду*) или почти исчезли (как *сряду*) из языка. Зато появились наречие *подряд* и существительное *подрядок*, судьбу которых, на фоне других квазиграмматических конструкций с *ряд*, мы бы хотели рассмотреть подробнее.

3. *Подряд и подрядок*

В современном языке есть два омонимичных деривата от корня *ряд-*: предикатное имя, соотносящееся с ситуацией с достаточно конкретным значением и наречие с очень абстрактной семантикой, реализующей разные пути грамматикализации.

Первое — это отглагольное существительное *подряд*, от глагола *подрядить/подрядиться*, в свою очередь образованного с помощью приставки *под-* от глагола *рядить(ся)*; оно употребляется в основном только в очень узком терминологическом значении (бухгалтерское *договор подряда*), а также (реже) в значении найма на работу, с целевым управлением: *на +Асс (взял подряд на сельскохозяйственные работы)*. Между тем, прежде это имя, видимо, могло управлять предлогом *под* в проспективном значении, ср. следующий пример XVIII в. из НКРЯ с глагольным коррелятом *подрядиться*:

А буде кто подрядится под хмель или под мед, чтобы поставить ему про царский обиход на дворец или и на кабаки, то тем

подрядчикам дворцовым брать указы из дворца, а кабацким от камериров. [И. Т. Посошков. Книга о скудости и богатстве (1724)].

Тем самым, отглагольное *подряд*, по всей вероятности, реализовывало ту же модель, что и современные *подставка (под)*, *подкладка (под)*, *подстежка (под)*; см. подробнее [Плунгян, Рахилина 2014]. Правда, в сегодняшнем русском это непродуктивная номинализованная конструкция вида X ПОД Y_{Acc}. Ее значение можно описать как «пространственное предназначение»: один объект (X) — мобильный, подпадающий под определение «фигуры», предназначен для того, чтобы находиться под другим (Y) — «фоновым»; X не самостоятелен, он называет такую вещь, которая функционирует не сама по себе, а только в паре с Y (ср. описание отношения «дополнительности» в [Рахилина 2010]). Вспомогательный статус X иконично выражен в словообразовательной модели, по которой строится его деривация: он образуется приставкой *под-*, дублирующей предлог, от узкой группы позиционных глаголов или глаголов каузации позиции; аккузативное именное управление (Y) со стандартной семантикой конечной точки/цели задает предназначение X.

Из того, что *подряд* укладывается в только что описанную словообразовательную модель с точностью до семантики предиката, можно сделать предположение, что когда-то в истории произошло сужение ее семантики: видимо, нам остался только небольшой семантически компактный осколок от более старой конструкции, причем с гораздо более общим значением.

Совсем по другой модели построено омонимичное имени наречие *подряд*, или *под ряд*, как его писали в некоторых старых текстах: *⟨...⟩ два выстрела под ряд попали во французский корабль.* («Исторический вестник», 1898), и писали не случайно: оно восходит к предложной конструкции, причем с совершенно другой семантикой, чем рассмотренная приставочная. Это конструкция со значением имитации, в современном варианте представленная сочетаниями типа *покрытие под траву*, *под мрамор*, ср. также устаревшее *подделываться под*, как в примере *подделываться под тон приятелей своих* (Н. А. Львов, 1789–1797) или *подделка под*, как в примере *жбан для жженки из чистого серебра, подделка под ведро!* (А. И. Эртель, 1889)⁵. Во всех этих случаях целевой

⁵ В определенном смысле продолжают эту семантику и современные сленговые конструкции типа *косить под психа*.

аккузатив вводит идею образца для подражания, в том числе, зрительный образ известного персонажа (*кепка под Маяковского*) или модель для изготовления артефакта (*прическа под бобрик*).

Релевантность этой конструкции для более древнего состояния русского языка доказывает то, что в современном русском сохранилось несколько застывших фразем, которые повторяют ее семантико-синтаксическую структуру, ср.: <подходит> *под цвет*, а также в дативной конструкции: *ему под статью/под силу*. По нашей гипотезе, *подряд*, построено по той же модели (< ‘под ряд’, где *ряд* имеет значение ‘очередность’).

В современном русском языке *подряд* используется преимущественно во временном значении имедиатного следования: *показывает картинки подряд* или (в контексте временных отрезков) непрерывности: *пятнадцать минут подряд*. Позже, из временного значения развивается квантикативное, в контексте квантора: *всё подряд*. Это значение полного охвата, как в *знакомиться со всеми подряд*⁶. Таким образом, *подряд* использует весь метонимический потенциал *ряд*, о котором мы говорили вначале.

Интересно, что тот же метонимический эффект воспроизводится в других европейских языках в сочетаниях со сходной семантикой, но в контексте других локализаций (соответственно, ‘в’, ‘на’ и ‘к’): англ. *in a row*, норв. *på rad*, нем. *der Reihe nach*. Получается, что не так важно, какое именно пространственное расположение предмета относительно ряда было исходным — результат состоит в том, что вместе с остальным рядом он воспринимается как последовательность. Собственно, этот вывод можно сделать и на русском материале — только не синхронном, а историческом: в истории русского языка тоже были близкие конструкции с другими локализациями, в первую очередь, *кряду* и *сряду* (а также *поряду*).

4. *Подряд и кряду*

Исходно направительная локативная конструкция *к ряду*, превратившаяся (как и наше *подряд*) в наречие, тоже реализует временное значение имедиатной последовательности. Согласно

⁶ В НКРЯ хронологически первый пример — из Л. Н. Толстого [1863]: *читал все подряд*.

НКРЯ, для обоих этих наречий первые употребления такого рода датируются началом XIX в., ср.: *несколько дней подряд* получал (А. В. Никитенко. Дневник, 1826–1855), *несколько часов к ряду с мужеством оные защищавшие* (К. Ф. Толь, 1812), *прикинуться несколько раз кряду Димитрием* {...} (О. И. Сенковский, 1832). Однако, в отличие от *подряд*, *кряду* быстро устаревает: к сегодняшнему дню их относительная частотность отличается примерно в 10 раз: 4198 употреблений для *подряд* против 388 для *кряду*; в более точно отражающем современное состояние газетном корпусе разрыв даже больше: 6410 к 506.

При этом базовая сочетаемость у них очень похожа: оба наречия сочетаются преимущественно со стандартными отрезками времени (*вечер, сутки, год* и под.). Но если посмотреть, что происходит за пределами этого класса имен, то оказывается, что *кряду* «оккупирован» спортивными журналистами: про матчи, спортивные встречи, геймы, очки, а также победы и поражения предпочитают говорить не *подряд*, а *кряду*. Для всего остального предпочтительнее окажется более нейтральное *подряд*, ср. *человек, трижды подряд избившийся градоначальником*.

5. Сряду

Временное *сряду* восходит к аблативной конструкции — но скорее, в посессивном, а не пространственном значении («принадлежащий ряду») — и в этом смысле представляет параллельное развитие с итальянским *di fila* (букв. «принадлежащий линии» <лат. *de* с аблативным значением, практически утраченным в современном итальянском). Исходно пространственное значение имеет другой фразеологизм: *из ряда вон <выходящий>*, но он развивается в совершенно другую, оценочную сторону, по той же модели, что и англ. *outstanding*, ср. также *изрядный* в значении «большого размера/количества»⁷.

В хронологическом отношении, если опираться на корпусные данные, создается впечатление, что *сряду* является чуть более

⁷ Подробное описание семантических источников оценочных признаков слов — и среди них, значений типа «выходящий из ряда» — дается в [Рыжова 2012]. В [Рахилина и др. 2010] описаны семантические механизмы, по которым происходят соответствующие сдвиги в значениях прилагательных и наречий.

ранним вариантом, первоначально более употребительным, но впоследствии практически утраченным: в основном корпусе мы находим 921 употребление, но все они старые, в современных текстах их практически нет, или это стилизация — показательно, что газетный корпус вовсе не дает вхождений этого наречия. Примеры типа *Колено ваше кесарей дало вам **сряду** четырех тиранов* (...) [Д. И. Фонвизин. Слово похвальное Марку Аврелию, 1777] сейчас воспринимаются как явные архаизмы.

Итак, из трех практически синонимичных предложных конструкций со словом *ряд* в русском языке осталась одна: несмотря на разные источники, в процессе грамматикализации во временное значение они не смогли семантически разойтись настолько, чтобы «не мешать» друг другу. Но сравнивая их между собой, мы не учли еще одну, самую старую пространственную конструкцию с *ряд*: *по ряду*, а она заслуживает отдельного разговора.

6. *По ряду и по порядку*

Действительно, история конструкции *по ряду* замечательна уже потому, что она, по-видимому, самая старая из всех, так как засвидетельствована не только в древнерусских памятниках начиная с XI в., но и в старославянском⁸. Исчезнув в современном языке, она в свое время тоже прошла путь грамматикализации из пространственного значения во временное. Замечательно, однако, что значение, индуцированное предлогом *по*, оказалось отличным от того, что мы находим у других локативных конструкций с элементом *ряд*. Те акцентировали идею *компактности* (или «плотности») ряда как множества — на основе которой затем развивалась семантика импедиментности и непрерывности. Здесь же был реализован совершенно другой сценарий: базовой оказалась идея *отдельности* элементов и их *последовательности, упорядоченности*: имея дело с рядом, мы знаем, какой будет его следующий элемент. Из нее возникла семантика — тоже временная — очередности и порядка.

⁸ Так, именно эта конструкция употреблена в начале славянского перевода Евангелия от Луки, ср.: *Изволи са и мьнѣ хождѣшио ис прѣва по въсѣхъ, въ истинѣ **по радѣ** писати тебѣ, славыны Теофиле* (Лк. 1:3, по Мариинскому евангелию).

Важно, что семантическим источником для представления о компактности ряда как множества (а затем — метонимически — иммедиатности и непрерывности временной ситуации) послужили пространственная локализация СУБ, а также аллативное и посессивное значения. Все три связаны с идеей присоединения к ряду: через достижение контакта в результате движения (в случае динамического *к*), доминантность ряда по отношению к отдельному элементу (в случае *под*) или принадлежность элемента ряду (в случае *с*). Но в случае пролативного *по* описывается движение субъекта (фигуры) относительно ряда как фона; в процессе этого движения никакого контакта с самим рядом не возникает, так что значение цельности и непрерывности было бы для сочетания с этим предлогом менее ожидаемым. Зато субъект движения (или наблюдатель), не присоединяясь к ряду, а двигаясь вдоль него, «видит» свойственную ему равномерность и последовательность, т. е., собственно, порядок.

Напомним, что в древнерусском одним из значений слова *ряд* и было ‘порядок’, так что *по ряду* тогда значило ровно то же, что теперь — *по порядку*: ‘в соответствии с очередностью’. Но потом у слова *ряд* это значение утратилось, и, что интересно, для того, чтобы учредить его снова, уже использовавшаяся модель была с воспроизведена с использованием того же морфологического материала (*по-ряд-ок*): порядок в грамматической семантике и предполагает, что в ней нет ничего случайного.

Литература

- Летучий, Рахилина 2011 — А. Б. Летучий, Е. В. Рахилина. Значение конструкций в грамматике и грамматика в значении конструкций. Тезисы конференции «Русский язык: конструкционные и лексико-семантические подходы», 2011. (http://iling.spb.ru/confs/programme_rusconstr2011.html)
- Майсак 2005 — Т. А. Майсак. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. М.: Языки славянских культур, 2005.
- МАС 1999 — А. П. Евгеньева (ред.). Словарь русского языка. Т. 3. М.: Русский язык, Полиграфресурсы, 1999; 4-ое изд., стер.
- Мельчук 1997 — И. А. Мельчук. Курс общей морфологии. Т. I. М.: Прогресс, 1997.
- Перцов 2001 — Н. В. Перцов. Инварианты в русском словоизменении. М.: Языки русской культуры, 2001.

- Плунгян 2011 — В. А. Плунгян. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011.
- Плунгян, Рахилина 2014 — В. А. Плунгян, Е. В. Рахилина. Семантико-синтаксические свойства русских конструкций с предлогом *под*: прямые (пространственные) и переносные (временные) употребления // *Die Welt der Slaven* LIX, 2014. S. 22–56.
- Рахилина 2010 — Е. В. Рахилина. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. 2-ое изд., испр. и доп. М.: Азбуковник, 2010.
- Рахилина и др. 2010 — Е. В. Рахилина, Т. И. Резникова, О. С. Карпова. Семантические переходы в атрибутивных конструкциях: метафора, метонимия и ребрендинг // Е. В. Рахилина (ред.). Лингвистика конструкций. М.: Азбуковник, 2010. С. 396–455.
- Рыжова 2012 — Д. А. Рыжова. Формирование оценочных значений на базе признаковой лексики. Дипломная работа. МГУ им. М. В. Ломоносова, М., 2012.
- Словарь 1997 — Г. А. Богатова (ред.). Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 22. М.: Наука, 1997.
- Храковский 2001 — В. С. Храковский. Семантика основных значений СВ и НСВ в русском языке // V. S. Chrakovskij, M. Grochovski, G. Hentschel (eds.). *Studies on the Syntax and Semantics of Slavonic Languages. Papers in Honour of Andrzej Boguslawski on the Occasion of his 70th Birthday* [Studia Slavica Oldenburgensia 9]. Oldenburg: Bibliotheks- und Informationssystem der Universität Oldenburg, 2001. P. 89–108.
- Храковский 2002 — В. С. Храковский. Русский язык в зеркале типологии: новации в императивной парадигме // *Русский язык в научном освещении*, 2, 2002. С. 91–101.
- Храковский (ред.) 1989 — В. С. Храковский (ред.). Типология итеративных конструкций. Л.: Наука, 1989.
- Храковский (ред.) 2009 — В. С. Храковский (ред.). Типология таксисных конструкций. М.: Знак, 2009.
- Barcelona 2011 — A. Barcelona. Reviewing the properties and prototype structure of metonymy // R. Benczes et al. (eds.). *Defining Metonymy in Cognitive Linguistics: Towards a Consensus View*. Amsterdam: John Benjamins, 2011. P. 7–58.
- Frajzyngier 1996 — Z. Frajzyngier. *Grammaticalization of the Complex Sentence: A Case Study in Chadic*. Amsterdam: John Benjamins, 1996.
- Heine 1993 — B. Heine. *Auxiliaries: Cognitive Forces and Grammaticalization*. Oxford: Oxford University Press, 1993.
- Heine, Kuteva 2002 — B. Heine, T. Kuteva. *World Lexicon of Grammaticalization*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.

- Heine, Kuteva 2007 — B. Heine, T. Kuteva. *The Genesis of Grammar*. Oxford: Oxford University Press, 2007.
- Hopper, Traugott 2003 — P. Hopper, E. Traugott. *Grammaticalization*. Cambridge: Cambridge University Press, 2nd ed., 2003.
- Lakoff, Johnson 2003 — G. Lakoff, M. Johnson. *Metaphors We Live By*. Chicago: University of Chicago Press, 2nd ed., 2003.
- Matsumoto 1999 — Yo Matsumoto. On the extension of body-part nouns to object-part nouns and spatial adpositions // B. Fox et al. (eds.). *Cognition and Function in Language*. Stanford: CSLI, 1999. P. 15–28.
- Nesset 2004 — T. Nesset. 2004. Case assignment and image schemas: Russian temporal adverbials // *Studies in Language* 28, 2, 2004. P. 285–320.
- Panther, Thornburg 2007 — K.-U. Panther, L. L. Thornburg. Metonymy // D. Geeraerts, H. Cuyckens (eds.). *The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics*. Oxford: Oxford University Press, 2007. P. 236–263.
- Peirsman, Geeraerts 2006 — Y. Peirsman, D. Geeraerts. Metonymy as a prototypical category // *Cognitive Linguistics* 17, 3, 2006. P. 269–316.
- Suutari 2006 — T. Suutari. Body part names and grammaticalization // M.-L. Helasvuo, L. Campbell (eds.). *Grammar From the Human Perspective: Case, Space and Person in Finnish*. Amsterdam: John Benjamins, 2006. P. 101–128.
- Svorou 1993 — S. Svorou. *The Grammar of Space*. Amsterdam: John Benjamins, 1993.